

© 1995 г.

Н.Н. КОЗЛОВА

ЗАЛОЖНИКИ СЛОВА?*

КОЗЛОВА Наталия Никитична - доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Современная Россия - страна бывших крестьян. Превращение крестьянина в некрестьянина - эпохальное событие советской истории, которое еще долго будет переживаться.

Бывший крестьянин - массовый случай, даже если речь идет об отдельной жизненной истории. Статистика рисует впечатляющую картину. В старой России свыше 80% были крестьянами, умственным трудом занимались 2,7% населения. К концу 1926 г. городское население СССР составляло 18% - столько же, сколько перед первой мировой войной, и только в начале 60-х по доле городского населения (66%) страна подошла к большинству так называемых развитых стран. В середине 80-х в сельском хозяйстве СССР было занято 12% населения, в промышленности - немногим менее 60%, умственным трудом занималось около 30%. Большая часть людей, принадлежащих к двум последним категориям, вышла из крестьян¹. Наша задача - рассмотреть, что же стоит между двумя рядами строгих цифр. Данное осмысление представляется назревшим, в том числе и потому, что уже наработана большая эмпирическая база. Можно, в частности, упомянуть опубликованные в «Социологических исследованиях» (1995. № 6, 7) материалы Земскова, посвященные крестьянству.

Советское общество стало фактом прошлого. Однако интерес к нему не только не угас, но явно возрастает. Происходит переосмысление процессов и результатов социокультурного развития в советском обществе. Оно имеет место как у нас, так и на Западе и проявляется в уходе от идеологизированных оценок и выработке объективного взгляда². Вводятся новые темы и проблемы, по-новому ставятся старые. Социальная судьба крестьянства относится к числу тех проблем, которые и старые, и новые. И общественное сознание, и научный дискурс до последнего времени колебались между крайностями. Крестьянство виделось то как только жертва жестокой «системы», то как виновник бед России в XX веке, то как воплощение традиционализма, препятствующего завершению модернизации. Мышление антиномиями не давало возможности воспроизвести сложность реального социального процесса.

Отсюда - отход от представлений о советском обществе только как о результате насильственной и репрессивной деятельности государства, где власть была единственным субъектом социального изменения. Внимание переносится на человека - участника общественного процесса, взятого в качестве «актора». Понятие «актор» подразумевает взгляд на человека как начало активное. Человек, однако, видится не столько «автором» рациональных жизненных стратегий, сколько «играющим» в рамках наличного культурного текста и меняющим этот текст своей игрой. Обостряется внимание к новым способам социального познания. Традиционные социологические методы дополняются анализом текстов - и официальных, и тех, что называют личными документами. В социологии активно применяются как количественные, так и качественные методы, выработанные историками идей. Расширяется исследование различных видов повседневной жизнедеятельности. Набирает силу антропологический подход в социологическом анализе, о чем свидетельствует интерес к биографическому методу, к исследованию «отдельных случаев». В результате открываются новые неведомые континенты: куль-

* Работа выполнена при поддержке Международного фонда «Культурная инициатива» (проект ZZ 5000/412).

турный синкретизм, транзитивность, осцилляции между традиционными и современными нормами. Оказывается возможным проследить сам процесс возникновения новых идентичностей. За цифрами становится видно лицо человека. Идет поиск и описание стоящих «за событиями» социальных и культурных форм, моделей, норм, общих представлений, мотивирующих и социализирующих индивидов, вовлекающих их в поток истории. При этом сами схемы уже не могут мыслиться как существующие где-то за пределами повседневного человеческого бытия. В результате проблема «крестьянин в советском обществе» обретает многомерность.

Исследование строится на пересечении двух методологий. С одной стороны, это анализ текстов как продукта практик письма. Имея дело с письменными источниками, мы исследуем как означаемое, так и способы означивания. С другой, по этим текстам мы изучаем биографии как симптоматику социальной мобильности.

Такой выбор не случаен. Данная работа - размышление над текстами, написанными бывшими крестьянами. Мемуары крестьян, которые поднялись по ступенькам социальной иерархии, как правило, написаны правильным литературным языком (или приближающимся к таковому). Те, кто в обществе занимает подчиненное положение, не пишет, а если пишет, то на языке, далеком от литературной нормы. Различие языков - социальное различие. Здесь идет речь не о всех крестьянах, а об особой группе - группе пишущих, а значит тех, кто сам желал менять обстоятельства, а не только быть их жертвой. В статье используется редкий документ - дневник бывшего крестьянина, который позволяет проследить, как меняется язык, а вместе с ним и сам человек. Мы как бы заглядываем за кулисы социального театра*.

Письмо - биография - социальная мобильность оказываются тесно взаимосвязанными. Можно схватить то, каким образом сама биографическая идентификация реализует систему ожиданий и норм, предъявляемых участнику общественного воспроизводства конкретно-исторической социокультурной ситуацией, системой условностей, в соответствии с чем биография воссоздается. Жизнь человека интерпретируется как ответ на вопросы, порождаемые ситуацией, в которую человек заброшен. Проблема типологичности здесь почти всегда центральна, ибо человек берется не «сам по себе», а как член социального поколения, социальной группы, общества в целом. То, что происходит с человеком, тесно переплетено с социальной динамикой в целом³. Мы намерены проследить, каким образом и при каких условиях бывший крестьянин «примеряет на себя», перенимает типическую жизненную конструкцию как языковую маску, начиная самим собою воплощать социальный тип того же «советского человека». Работа с текстами, написанными «простыми советскими людьми», позволяет показать, каким образом бывшие крестьяне начинают участвовать в воспроизводстве системы, вроде бы изначально им чуждой.

Крестьянин: стартовая позиция

Люди поколения 1915-1925 гг., о которых здесь идет речь, несли в себе, в своем теле историю сословия, из которого они вышли, как стартовую позицию, как унаследованный капитал. Как воспроизвести облик крестьянина? Кто его знает... Крестьяне упорно не желают походить на нарисованный образ - кто бы его ни рисовал, будь то Л.Н. Толстой или Л.Витгенштейн.

Конечно, крестьяне многообразны так же, как многообразны лики земли, с которой они срослись как улитка со своим домиком. Можно, однако, назвать ряд черт, которые объединяют всех крестьян, где бы и когда они ни жили. Это - семейное хозяйство, хозяйство на земле, деревенская культура и последнее по порядку, но не значимости - положение в системе социальной иерархии⁴.

Жизнь в крестьянском сообществе вроде бы протекает вдали от неожиданностей. Все движется по накатанной веками колее. Одновременно крестьянство всегда «на грани». Существование неопределенно и зависимо от капризов погоды, капризов начальства. Решения начальства почти всегда непонятны и чужды. Угроза голода почти постоянна. Отсюда - феномен моральной экономики как этики выживания. Приемы жизни вместе перед лицом постоянной опасности прежде всего способствуют выживанию. Крестьянская община напрямую и постоянно сталкивается с проблемой минимального дохода и снижения риска сохранения культурно зафиксированного уровня существования. Этот опыт не единожды помогал выживать не только самим крестьянам, а и обществу в целом. Но точно также он заставляет

* Исследование построено на материалах, хранящихся в 1-м в России независимом, негосударственном архиве. Это Центр документации (Народный Архив). Эмпирическую выборку составляют тексты поколения 1915-1925 гг.

крестьян противиться нововведениям, задуманным в столицах. Единое общественное мнение, нормы, безоговорочно разделяемые всеми, - источники силы как оппозиции власти⁵.

Почему крестьянин не приемлет реформы? Реформы, которые могут различаться по форме, но по сути все для него равны, т.к. посягают на его мировоззренческие устои. Например, на представление о равенстве, которое крестьянин готов защищать не на жизнь, а на смерть. Это равенство, будучи понято как радикальная уравнивательность, легко становится объектом критики. Речь идет, однако, об ином. Крестьянское равенство - взгляд, согласно которому все имеют право на жизнь на основе наличных деревенских ресурсов. Бунты происходят не от того, что много отнимают, но потому, что мало остается. Этот идеал видится исторически величественным. Не он ли воспроизводится в современном экологическом мировоззрении, утверждающем право каждого на жизнь в пределах наличных ресурсов? Нужны огромные усилия, прежде всего властные, для того чтобы эти отношения разрушить. Разрушение подобных от века существующих социальных структур - момент социального риска. Не является ли тоталитаризм платой за раскрестьянивание в XX веке?

Огромная проблема - крестьянин в «большом» обществе, в истории. В. Розанов употреблял меткое выражение: «глубокая неопытность в истории», понятно, не только в отношении крестьян⁶. Для человека, живущего в мире личной связи, «свои» - члены общины, а по отношению к «чужакам» культивируется инструментальное отношение. В категорию чужаков входят и местный чиновник, и царь, и Киров, и Сталин, сколько бы ни писали о наивном монархизме крестьянской массы мыслители вроде Л. Тихомирова.

Люди, о которых здесь говорится, несли с собой в новую жизнь свою социальность и историю, встроенные в тело как антропологическое качество. Каков был этот ресурс, если трактовать его как исходный капитал? Вероятно, феноменальная выносливость, крепость физическая, витальность, умение склоняться как травинка и снова разгибаться, привычка к жизни вместе. Травинка не растет одна.

О каком поколении крестьян, становящихся некрестьянами, идет речь? Перемены в крестьянской жизни начинались, как правило, с 1929 г. (у некоторых раньше, конечно), который «стал переломным в динамике сельского населения»⁷. В этом смысле они составляют то, что принято называть социальным поколением. Молодой человек мог прожить в деревне до 22-23 лет, вести жизнь крестьянина, жениться, обзавестись детьми, остаться вдовцом. Но вот наступает момент, когда перемены становятся возможными и начинаются социальные превращения и пространственные передвижения вместе с пятнадцатилетними... Миграция была наиболее высокой в те годы, когда на передвижение населения налагались суровые социальные запреты. Годы активной деятельности этого поколения совпадают с годами наивысших темпов урбанизации (с 1929 по 1955-1960 гг.)⁸.

Крестьянин от века жил в режиме запрета на перемены. Во всяком случае для него возможность подъема по ступеням социальной иерархии была сильно ограниченной. Приходит на ум высказывание З. Канетти: «Часто этот переход рассматривается так, как будто человек умирает в низшем классе, а затем пробуждается к жизни в высшем. Между классами стоит смерты- весьма серьезная граница. Превращение предполагает долгий и опасный путь. Оно не дается даром; кандидат должен пройти труднейшие испытания. Однако все, что он испытал в молодости, позднее, уже принадлежа к высшему классу, он преподносит ученикам как суровый экзаменатор»⁹. К концу 20-х годов крестьяне, с одной стороны, несли на себе клеймо «отживающего класса», с другой, ощущали возможность решительных перемен в своей судьбе. Стигматизация и снятие запрета на превращение, которое вроде бы только декларировалось, но возможность которого ощущали молодые люди, - вот Сцилла и Харибда, между которыми им надо было пройти.

Итак, попробуем проследить сам процесс изменения, который (в особенности в мемуарах, написанных на закате жизни) часто утаен за фразами: «Москва стала постоянным местом моего жительства. А как меня ломала жизнь, особенно тяжелыми были 30-е годы (вторая половина), да! Но все-таки устоял в тяжелой схватке с трудностями и вышел на правильный путь»¹⁰. Слова не объясняют, а скрывают...

Инициация или второе рождение

С чего начинается изменение? Складывается впечатление, что каждый из моих героев пережил травму, сопровождаемую ощущением близости смерти, по меньшей мере ощущением смертельной опасности. Эту опасность они переживали уже не со всей общиной, но поодиночке, ибо старая общность пребывала в состоянии распада. Разные люди переживали разные ситуации. Все они оставляли один и тот же след - незаживающие травмирующие

воспоминания об укусах власти, одиночестве и близости смерти". Это - начальная точка пути.

Если даже смерть не угрожала прямо, то во всяком случае воспоминания о страшных временах постреволюционной смуты были сильны. Люди оправлялись с трудом. Пребывание в деревне виделось молодым людям опасным или же совершенно бесперспективным; их ждал в лучшем случае удел тяжелого физического труда. Они хватались за любую возможность, чтобы из деревни вырваться.

Первичный страх, сопровождающий социальную травму, сопряжен с ощущением возможности выпасть за пределы общества как такового. Они часто видели таких попавших ниже нулевой отметки людей, например, лишенцев, выслаемых, босых странников, которые брели от селения к селению с «обезьянами»-котомками за спиной. Был ли хоть один человек, который хотел бы оказаться на их месте? Складывается впечатление, что каждый из наших героев заглянул за грань. И в прочитанных документах, и в литературе эпохи (М. Зощенко, А. Платонов) мотив страха стать нищим, просить подаяния, мотив жизни «на краю» является навязчивым. Страх, что они «не нужны для жизни». Страх остаться «бывшим человеком», страх превратиться в мусор, быть упраздненным за ненужностью. Острое чувство непрочности социального бытия и общественной связи, «необязательности» собственного существования для этой жизни сочетались со страстным молодым желанием жить, вдыхать запах «клеяких листочков».

Подобная ситуация сама по себе порождала комплекс вины. Кроме того, работала мощная машина пропаганды (машина номинации), которая эдипизировала и стигматизировала этих молодых людей. Прочитанное мною свидетельствует: крестьянские дети не сомневались, что принадлежат к отживающему классу. Налицо самостигматизация. Например, один из бывших крестьян пишет в дневнике, который он вел в 30-е годы о деревне как о месте, *«где процветала моя отсталость... Здесь я провел свое детство, до 15 лет не видя поездов»*¹². Тот же молодой человек хочет написать роман, где была бы описана *«жизнь отживающего класда ето перерождение и применение к новым условиям. Не могу и не с кем посоветоваться ибо посоветоваться значит выдать себя... Эта тема по-моему весьма нова, и если бы ее создать сейчас, безусловно, цензура не пропустила бы»*¹². Им мила была мысль, которую они приписывали Горькому и которая, по мнению одного из наших героев, была *«какой-то жилкой, которая не имеет сродка с линией партии»*¹³. Это была мысль о возможности «перевоспитания кулака путем труда» - все-таки труд, а не тюрьма...

Крестьянское происхождение старались скрыть как позорное клеймо. Молодой человек, который уже живет в городе и учится в ФЗУ, будучи послан в колхоз, старается себя не выдать: *«Нет, первые дни мне шибко работать в поле ненужно... А то спросят: ты откуда это научился работать, раньше работал что ли? Подозрение. А я ведь числюсь чистокровным рабочим... И вообще бесед на с/х темы мне надо избегать»* (25 августа 1933 г.)¹³.

Часто полагают, что единственным субъектом превращения были власть и властители, высоко вознесенные, статичные, сами не подверженные превращениям, но лишь превращающие других, возвышая их или унижая. Это относится к превращениям, связанным с внешним ограничением и насилием.

Большая часть крестьянской молодежи, уйдя из деревни, становилась тем топливом, которое молох государства забрасывал в горнило модернизации. Именно они рыли каналы и котлованы по всей стране. Они обретали новую телесность, меняли «физическое естество», обращая вспять естественный ритм организма - например, учились спать днем и просыпаться в самые глубокие ночные часы, когда надо было идти в третью смену. Скорость всех движений увеличивалась, и организм трансформировался в живое орудие труда. Обучиться новому делу-обрести новый ритм... Их «нормировали» (цивилизовали, если цивилизация - это мир норм) через закон о двадцатиминутном опоздании. Они производили, а общество производило их самих. Так или иначе, они перешли в искусственный мир, лишенный «естественной непосредственности». По отношению к ним в первую очередь действовали аппарат надзора и централизованные средства насилия. Здесь мы вступаем в мир безмолвия, в мир «письма на теле». Письменные свидетельства превращения этого рода крайне редки. Они написаны на языке, далеком от нормативного. Это - крик, единственный смысл которого - свидетельство отсутствия, «отмирания» традиционных ценностей, не чьем месте, Практически ничего нет. Эти люди оставались на нижних ступеньках социальной иерархии, хотя горизонтальная мобильность могла быть велика.

Существует, однако, и другой тип превращения, связанный с само-ограничением, само-контролем, само-нормированием (Н. Элиас в своих работах по проблемам цивилизации

придавал ему огромное значение¹⁴). Развитие самоограничения также может быть монополизировано и использовано как источник власти и дифференциации статуса, как средство доминирования. Ритуалы инициации, например, являются производством определенных образов самоограничения, с одной стороны, а с другой, эпизодом скрытой или явной борьбы за власть между поколениями.

Наиболее витальная и молодая часть крестьянства сама стремилась к превращению, противопоставляя власти силу, силу массы, мощь «листьев травы». Занимающих низкое социальное положение в принципе отличает глубокий реализм видения. Они играют, только если чувствуют, что игра может иметь какой-то смысл. Тем более, что им давали понять саму возможность превращений, подвергали соблазну. Молодые люди ощущали, что запрет на превращение снят, но столь же остро они чувствовали то, о чем писал Канетти: между прежним и новым состоянием стоит смерть. Что поддерживало энергию превращения? Быть может, не только страх небытия, но и лежащая в глубинах подсознания уверенность в бессмертии народной маски?¹⁵

Возможности превращения предоставляли комсомол, армия, учеба, переезд в город - новые для бывшего крестьянина средства воспроизводства. Все они воспринимались минимум как средства выживания, максимум - кардинального изменения жизненных обстоятельств, вертикальной социальной мобильности. Эффективный аппарат самоконтроля ощущался как важный источник власти.

Вот «случай», когда средством мобильности является комсомол. Молодой человек, будучи сыном отца, погибшего на первой мировой, т.е. имеющим льготы при поступлении, в 1917 г., успешно сдав экзамены, не смог поступить в профессиональное училище, вроде нашего ПТУ. При советской власти он начинает делать карьеру. Весной 1920 г. он кончает последний пятый класс сельской школы и, как грамотный, работает писарем в волисполкоме. В 1921 г. там создается ячейка комсомола. Он «записывается», т.е. вступает случайно. Ему 15 лет.

«На следующем собрании мне было поручено проводить занятия с комсомольцами и молодежью по изучению речи В.И.Ленина на 3-м съезде комсомола»¹⁶. Так начинается его карьера. Уже через год он заворотдела укомола в г. Плавске Тульской губ.; в конце 1921 г. - зав. канцелярией Губкомола, в 1922 г. - уже член бюро райкома комсомола в г. Щекине. Осенью 1922 г. его посылают на рабфак, но, чувствуя себя совершенно неподготовленным, он отказывается, и его посылают в совпартшколу. Он сдает примерно те же экзамены, что и в профессиональное училище в 1917 г.: русский язык, арифметика, география, только вместо Закона Божьего - политграмота. И на сей раз оказывается, конечно же, принятым. Потом будут рабфак и Московский университет - физико-математический факультет. Он попадает в струю и плывет по течению. Течение несет его. Автобиографические записи свидетельствуют, что он всю жизнь как бы удивляется случившемуся: его «почему-то рекомендовали», «назначали» и проч. Употребление глагола в пассивном залоге еще раз свидетельствует, что он пассивно плывет по течению и поддается ему. Он дрейфует. Не все, однако, в его жизни было благобно, ибо превращение сопровождалось травмами, о которых можно говорить слишком долго.

Но, понятно, не каждый попадал «в случай». Чтобы превратиться, надо было пройти инициацию, просочиться через фильтры. Материалы, с которыми пришлось познакомиться - свидетельства многообразных попыток проскользнуть, зацепиться... Вот сын высланного кулака, родом с Украины, скрывающийся в Москве, пытается «просочиться». Как он действует? Чисто по-крестьянски. Скрыв «социальное происхождение», он регистрируется на «бирже труда подростков» и поступает в ФЗУ издательства «Правда», где не только «записывается» в комсомол сам, но и «вовлекает» еще четверых.

Обращает на себя внимание, как именно он просачивается. Для похода на биржу выбирается момент, когда вся Москва празднует пасху: воздух полнится колокольным звоном, а у работников биржи мысли не слишком сосредоточены на работе. Ему всего 14 лет, но в теле своем он несет вековой опыт просачивания и ускользания. В архиве, в тетрадке с конспектом 1-го тома «Капитала» мне попался черновик заявления, которое он подал на биржу. Речевой жанр - крестьянская челобитная:

«Заявление

Настоящим прошу заведующего секции подростков послать меня на работу так как я приехал из города Архангельска и ни имея ни родных изнокомых помистился у матери которая поступила в качестве домашней работницы и ниимея ничего на существование приходится проживать на мизерную зарплату матери тоест 12 рубл. и влача полуголодное

существование даба не попасть на улицу без призорным прошу войти в мое положение и дат мне работы где бы я мог заработать хот не много на существование вчем прошу в моей прозьбе не отказать»¹⁷.

Они проходили множество фильтров. Один из них - Справка призывника, в которую входила стандартная политическая характеристика. Вот ее пункты, проскочить через которые значило пройти этап инициации, попытаться обрести новую идентичность через армейскую службу. Всегда они сталкивались с дилеммой: или получишь возможность стать «новым человеком», или подвергнешься превращению первого типа, как мы его обозначили, а то и обратному превращению (оно же разоблачение). Этот этап инициации проходили миллионы.

«Справка призывника

- 1. Социальное происхождение и имущественное положение призывника.*
- 2. Имущественное положение хозяйства до и после революции.*
- 3. Если от родителей живет отдельно, с какого времени и какую имеет связь.*
- 4. Кто из семьи или родственников лишен избирательных прав, когда и за что.*
- 5. Кто из семьи был раскулачен и когда.*
- 6. Какую имеет связь призывник с лишенцами, раскулаченными или чуждым элементом и в чем она выражается.*
- 7. Был ли призывник под судом или осужден. За что и на сколько осужден.*
- 8. Отношение призывника к работе на производстве, в колхозе и политкампаниям.*
- 9. Дополнительные компрометирующие сведения на призывника»¹⁸.*

А чего стоят чистки всех родов - партийные и комсомольские, производственные и паспортные... Один из тех, на чьи записки мы здесь ссылаемся, метко назвал их *«людечистками»*. Записи о смене паспортов в Москве 1933г. напоминают библейские картины избияния младенцев в Вифлееме.

Они проходили множество этапов инициации, надеясь, что именно это «решето» будет последним и, наконец-то, последует воздаяние. Понятно, что таковое следовало далеко не всегда... Превращение - дело рискованное. Но они рисковали - в графе «социальное происхождение» писали «бедняк» вместо «средняк» и начинали игры. В связи с паспортизацией, с сокращениями и травилась, и стрелялись, и бросались под поезд. В каждом из материалов, которые пришлось прочитать, - неоднократные упоминания о фактах самоубийств в среде молодежи. Прохождение инициации - радость второго рождения.

Превращение начиналось с подражания, имитации. Часто начинали с поиска экзиса - новой манеры держаться, говорить и ходить, т.е. нового положения тела. Примеривание маски - примеривание не совсем понятного: *«Это человек, который сыграл небольшую роль в моем развитии. Некоторые отдельные урывки, частички... жизненной махинации, машины сложного механизма, положительное осваивание которого требует большого внимания и тщательного отбора»¹⁹. «Сильно наблюдаю за людьми. Наблюдаю за поведением ребят мне равных. Как они ведут себя в подобных случаях. Учусь копировать манеры... Все это нечеловечески трудно, убивает мою силу. В то же время заставляет меня быть профессионально осторожным, наблюдательным»²⁰.*

В свете этой всеобщей жажды превращения понятно, отчего театр был ключевой фигурой тогдашней культуры. Мне как-то пришлось посмотреть кинозаписи 30-х годов. Самодельный спектакль в военной части: «Горе от ума» Грибоедова под руководством актеров Малого театра, шефствовавшими над военной частью. Конец спектакля, аплодисменты, исполнитель роли Чацкого выходит к рампе, срывает с себя парик и фрак. Под париком - стриженная голова, под фраком - гимнастерка со значками ГТО. Сейчас мы видим иронию происходящего, ибо гимнастерка - тоже костюм. Это - не только переряживание, но и поиски идентичности.

То же цели служили и праздники, в которых столь велика была роль «преображающей компоненты», того, что помогало человеку сменить кожу, перейти в иное социальное состояние, стать «новым человеком»²². Богословское понятие преображения бытовало в тогдашней культуре как готовая форма. Точно также антирелигиозные плакаты воспроизводили иконный канон. В студенческих коммунах молодые люди присваивали новые имена: Иван называл себя

Мэнни в честь героя романа А. Богданова «Красная звезда»; Борис и Мария становились Прибоем и Волной, у них рождались дети. Проводили красные крестины и новорожденного мальчика называли Рэдом, т.е. Красным, и с этим именем он живет по сей день²³. Словом, главное - проскользнуть и начать новую жизнь.

Мечты и реальность

А чего, собственно, они вообще желали? Ради чего желали преобразиться? Первый ответ, который напрашивается, - хотели быть «как все», т.е. как те, кто уже нашел место в обществе. Отрывок из дневника 1932 г.: *«Неужели я буду отличаться от других? От этого вопроса у меня волосы становятся дыбом и тело передергивается мелкой дрожью»*²⁴.

Мечты, конечно, были разными - начиная с детских и кончая что ни на есть взрослыми. В дневнике, на который я здесь ссылаюсь, динамика желаний воспроизводится следующим образом:

*«Помню в малых летах еще дома на скамье во второй группе я думал (фантазировал) что я захожу в замок, где очень много комнат, много дверей, много отделений и что в каждом отделении уйма конфет, всякой всячины из съестного... Потом когда уже был старше начал думать о девочках, о одежде. Какбудтобы я франт гуляю с лучшими девочками. Потом много фантазировал о карьере»*²⁴. Эта запись, конечно же, дает повод для фрейдистского толкования, но наше внимание приковано к собственно социальному. Мечты о «карьере» воплощали не столько индивидуальные, сколько социально специфичные, «типологические» желания;

Вот запись, которая датируется 1932 г.:

*«Еще в 1929 г. когда продолжалась моя мирная однообразная жизнь, когда в мою судьбу не вмешивались ни какие ни внешние ни внутренние силы. Когда мой кругозор был очень невелик,... маме ворожила цыганка... И предсказала как говорит мама что я стремлюсь к учебе..., что у меня есть очень большой талант и громадное счастье... И главное предсказала то что я буду инженером... Инженер - это высшая форма человеческой учебы... Эта мысль непокидала меня до 1932 г. Остаточка она перестала быть идеальной в конце 31 и начале 32 года... После реконструкции моей жизни и обстановок филантропическое слово инженер начало угасать. Его вытеснило слово писатель»*²⁴.

Нельзя не отметить симптоматичность изменений в поле желания: инженер меняется на «инженера человеческих душ», что свидетельствует о стилевом историческом повороте. Однако чем бы ни заниматься, главное - преодолеть социальное различие, найти свое место в иерархии, если иметь в виду, что общество - это всегда иерархия. Они делали все, чтобы не попасть в положение ниже нулевой отметки, т.е. за пределы иерархии, а значит и общества. *«Мне кажется ябы пошел на многое, даже на сокращение годов жизни чтобы совершилось мое желание»*²⁴.

Мечты были в разительном несоответствии с реальностью: *«Утром не завтракал и до четырех не жрал ни хрена. Утоляя желудочную "прихемандрю" я слопал ломоть черного и батон белого хлеба, выпил три кружки воды, и только тогда почувствовал возврат старого равнодушно-веселого настроения»*²⁴. Часто бывало и по-другому: *«Я уже сижу на одном черном хлебе, сахаре и холодной воде ибо согреть чаю не на чем нет керосина и певчем ибо нет чайника. А денег нада. Надо заплатить за три месяца квартплаты, за свет за квартал. Купить тетрадей и книг. Где взять, с чего...»*²⁵.

Достаточное количество черного, а тем более белого хлеба - это было уже хорошо по сравнению с тем, что они испытали ранее. *«За три года жизни в Москве я не помню когда я был бы по горло сыт. Всегда я ходил недоедавши. В первом году жизни ел лишбы не сдохнуть с голоду. Бывало найдешь на улице корку мерзлого хлеба сдоешь с нее снег и грязь съешь, а потом и думает, а что если от грязи живот заболит. Во втором году приходилось жить полу-голодным и рваными. В третьем на 113 более или менее оделись. Сейчас сыт правда не сытной пищей но сыт и хоть и не шикарно но я доволен»*²⁶.

Программа-минимум - выживание. Программа-максимум - преодоление социального различия. Они резко ощущают социальную пропасть, отделяющую их от других, благополучных членов общества, и жаждут перепрыгнуть через эту пропасть. *«Почему мне так нравятся иностранцы? Почему я их так уважаю? Кажется, многим заплатил бы, чтобы побыть в их*

обществе, в их культурности. Каждый раз, когда я увижу поэта, писателя или вообще какого-нибудь крупного человека, как я приглядываюсь к их лбу, голове, не похож ли мой лоб случайно на такого-то типа... Я боюсь, я избегаю встречи, разговора с тем человеком... которого я считаю выше себя. Например, *Агитбригадников*²⁶. Бывшие крестьяне жгуче завидовали студентам. Оппозиция культурного и некультурного времяпрепровождения, культурности и отсталости - знак эпохи.

Цель - отнюдь не всегда явно формулируемая - культурность. «Культурность» - программа правильного поведения на публике, тип кодирования и сигнификации связей между людьми через приобретение вещей, говорение и писание на «правильном» языке. Это способ представления завоеванных позиций, самообраз достойного человека. Подобно идеологической ортодоксии, это понятие - род контролирующего устройства, предписывающее нормативное поведение²⁷. В то же время культурность - знак воплощения желания.

Вот ряд записей, в которых «культурность», «культурный» - ключевые слова. «Культурно оделся сходил в кино, очень хотелось сходить в парк культуры и отдыха денег не хватило»²⁸. «Несколько слов о жильцах и квартире. Его дом, громадина и "Иностранный сетльмен" и вообще там люди высшего сословия. Ход по пропускам»²⁹. «Заходил в ячейку. Как мне трудно дышать среди высшего сословия ячейки»²⁹. «Она была весьма развитой дивчиной из культурной состоятельной семьи. Из семьи советской аристократии... Быть может в развитии мы были равные, но в деньгах и одевании мы были далеко не равны... И как видно старая половица "Деньги делают все" правдива в нынешних социалистических условиях. Социализм социализмом, а деньгам свою дань отдай»³⁰. «В последнее время чувствую что начал росши культурно и в сравнении с прошлыми годами вырос неузнаваемо. Это еще имеет значение что нахожусь среди ребят тоже культурных. Какое громадное значение в жизни имеет обстановка в которой находишься, люди среди которых врацаешься. Заимел хороший костюм. На днях купил плащ. Одет культурно чисто, и сам в смысле чистоты акуратен. Материальная сторона неплохая. Прорыв громадный в материальной стрроНе. Это прорыв куда нада. Бросить все силы всю энергию пока непоздно, а то время осталось совсем немного...»³¹. Словом, «культурность» равна здесь цивилизованности, ради которой человек идет на самоограничения.

Окончание следует

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. С. 20. См. также: *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое развитие СССР за 70 лет. М., 1988.
- ² Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993: *Stalinist Terror: New Perspective.* Cambridge, 1993; *Hoffman D.* Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929-1941. Ithaca, London, 1994; *Fitzpatrick Sb.* Stalin's Peasants. New York: Oxford, 1994; *Kotkin St.* Stalinism as a Civilisation. Berkeley, 1995 и др.
- ³ См.: *Томпсон П.* История жизни и анализ социальных изменений // *Вопр. социологии*, 1993. № 1-2; *Biography and society. The life history approach in the social sciences / D. Bertaux (ed.).* Sage, 1984. *Social Structures and Human Lives. V. 1. Social Change and the Life Course.* London, 1988.
- ⁴ См.: *Великий незнакомец; Крестьяне и фермеры в современном мире.* М., 1992; *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; *Shanin Th* The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society, Russia. Oxford, 1972; *Redfield R.* The Little Community and Peasant Society and Culture. Chicago, London, 1973.
- ⁵ *Scott J.* Warons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: London, 1985. P. XVI.
- ⁶ См.: *Под созвездием топора. Петроград 1917 года - знакомый и незнакомый* М., 199 Г. С. 35; *Зайончковская Ж.А.* Указ. соч. С. 19.
- ⁸ Там же. С. 20.
- ⁹ *Канетти Э.* Превращение // *Проблема человека в современной западной философии.* М., 1988. С. 499.
- ¹⁰ Центр документации «Народный архив» (ОДНА). Ф. 306.
- ¹¹ См. например, *Козлова Н.Н.* Крестьянский сын: опыт исследования биографии // *Социол. исслед.* 1994. № 6.
- ¹² ЦДНА. Ф. 30. Ед. хр. 14.
- ¹³ ЦДНА. Ф. 30. Ед. хр. 15.
- ¹⁴ *Elias N.* The Civilising Process. V. 1-2. Oxford, 1978, 1982.

- ¹⁵ Как отмечал М.М. Бахтин, «народные маски никогда не гибнут: ни один сюжет ателлан, итальянских и... французских комедий не предусматривает действительной смерти Маккуса, Пульчинеллы или Арлекина. Зато очень многие предусматривают их фиктивные комические смерти (с последующим возрождением)» (*Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 479).
- ¹⁶ ЦДНА. Ф. 330.
- ¹⁷ ЦДНА. Ф. 30. Ед. хр. 33.
- ¹⁸ ЦДНА. Ф. 306. Биохроника. Ч. I.
- ¹⁹ ЦДНА. Ф. 30. Ед. хр. 11.
- ²⁰ ЦДНА. Ф. 30. Ед. хр. 13.
- ²¹ Фильм «Становление советского театра (1920-1930 гг.)». Автор сценария д. ист. наук СВ. Стахорский.
- ²² *Захаров А.В.* Карнавал в две шеренги // Человек. 1991. № 1. См. о специфике массовых праздников 30-х: *Sarboiy K Stalinism and Carnival // The Culture of the Stalin Period.* London, 1990.
- ²³ ЦДНА. Ф. 399.
- ²⁴ ЦДНА. Ф. 30. Ед. хр. П.
- ²⁵ ЦДНА. Ф. 30. Ед. хр. 16.
- ²⁶ Там же, Ед. хр. И.
- ²⁷ *Dunham V.S.* In Stalin's Time. Middleclass Values in Soviet Fiction. Cambridge, 1977. P. 20, 22, 28 et al.
- ²⁸ ЦДНА. Ф. 30. Ед. хр. 13.
Там же. Ед. хр. 11.
- ³⁰ Там же. Ф. 30. Ед. хр. 16.
- ³¹ Там же. Ед. хр. 13.